

К ГРЯНЯМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Н.А. СМЕРНОВА, Н.А. ШОГЕНЦУКОВА

*Что же, и я Россию люблю.
Она занимает шестую часть моей души.
Венедикт Ерофеев*

От некто — к ничто... Этот парадокс аргентинца Х.Л. Борхеса словно заведомо обречен на роль точного и емкого предисловия к рассмотрению проблемы идентичности в литературе: «Быть одной вещью неизбежно означает не быть всеми другими вещами; смутное ощущение этой истины привело людей к мысли, что не быть значит больше, нежели быть чем-то, и в каком-то смысле означает быть всем»¹. Игра на гранях языка и мысли — вот, пожалуй, первое приближение к заявленной проблеме, равно как и связанные с этим риски и просчеты.

Идентичность есть множество множественных идентичностей. Многоликих, как сам мир людей: по национальности, конфессиональной принадлежности, месту проживания, роду занятий, социальному статусу, пристрастиям и увлечениям, шкале ценностей — всегда имеющих веские, на первый взгляд точные аргументы и основания и — всегда неполных, всегда недостаточных, всегда — самонадеянных.

Цифры и факты не упрямы, а прямолинейны. По крайней мере до тех пор, пока их не замалчивают, не превращают в «официальные данные», не игнорируют, а главное — не дают себе труда осмыслить и сделать правильные, даже если и нежелательные, нелицеприятные выводы. Один из самых красноречивых фактов в контексте заявленной проблемы таков: в 1968-м (№14) и 1973-м (№5) годах, соответственно, хотя в это трудно поверить, в «Роман-газете», периодическом издании с миллионным тиражом, была опубликована книга Расула Гамзатова «Мой Дагестан». Переводчиком с аварского — родного языка поэта — выступил известный писатель Владимир Солоухин. Значимость этого факта, за которым стоит подлинное явление, во многом беспрецедентное для советской национальной политики и советской идеологии, определяется, на мой взгляд, тем, что гамзатовским «Дагестаном» было положено начало конца таких маркеров идентичности, как советский человек, советский народ.

Сразу вспоминается сцена в госпитале из «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого. Отчаявшемуся, лишившемуся ног и будущего Алексею Маресьеву мудрый комиссар приводит только один довод в пользу дальнейшей жизни и борьбы: «Ведь ты же советский человек!..» — поистине внушение мужества и веры, которые движут... и горами.

Мощная книгоиздательская индустрия советских времен. Миллионные тиражи книг для взрослых и детей, армия переводчиков, работающая на все национальные республики, края и округа, в которых есть прозаики, поэты, драматурги. Декады национальных культур в Москве, месячники книги, писательские поездки по Стране Советов. Имена Чингиза Айтматова, Юрия Рытхэу, Фазиля Искандера, Кайсына Кулиева, Георгия Гулия, Алима Кешокова, Давида Кугультинова, Василя Быкова, Олжаса Сулейменова, Виллиса Ладиса, Алеся Гончара, известны по всей стране. Самая читающая — добавим, и самая грамотная в то время — страна в мире.

Надо отдать должное стратегии и тактике советской идеологии: умеющий читать и знающий, **что** читать, не будет сомневаться и ломать голову над проблемами собственной идентичности. Все искусство СССР — национальное по форме и социалистическое по содержанию — раз и навсегда доказало: еще одна сказка стала былью, в новейшей истории появилась новая социально-политическая общность, что звалась «советский народ», как бы ни относиться к этому.

Новый календарь, новая «религия», новые праздники, традиции и обычаи. Начать с нуля! Нет проклятого прошлого. Есть только прекрасное настоящее и еще более прекрасное будущее: «Там, за горами горя, солнечный край непочатый...».

Расул Гамзатов, употребивший личное местоимение «мой» к Дагестану — к неповторимой стране-горе (**даг** — гора, **стан** — страна); поставивший первым эпиграфом к своей книге слова легендарного имама Шамиля — «Малым народам нужны большие кинжалы», прозвучавшие в 1841-м году; сказавший о нем то, что, кажется, нигде и никогда не говорилось — сын садовника, любивший деревья больше, чем войну, был вынужден забыть о своем саде, потому что пылал весь Кавказ (русско-кавказская война 1816 — 1864 гг.); перечисливший, быть может, тоже впервые для большинства читателей, имена народов Дагестана — аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, кумыки, ногайцы, табасаранцы — шагнул в будущее. А оно беспощадно показало, что даже самая универсальная идентичность в природе — человек — становится

со временем все более далекой от корректности и терминологической непогрешимости.

Какое место занимает Кавказ в России на рубеже XX – XXI веков? Что происходит с восприятием образа Кавказа в российском, обыденном и художественном, сознании? Почему возникла острая необходимость «создавать положительный имидж Кавказа» средствами масс-медиа? У кого и почему он отрицательный?.. Каким образом возник актуальный дискурс «Кавказ» и призывы к правильной, традиционной ориентации в вопросах этно-идентичности?..

А. Цуциев, в частности, отмечает, что последнее десятилетие дает возможность зафиксировать воспроизводство всех основных модальностей образа кавказцев: романтическое восхищение, аналитический критицизм, мифологический плач и обыденную неприязнь. Эти модальности восприятия кавказцев обострились в период чеченской войны, и чеченцы вновь стали каноническим образчиком, квинтэссенцией кавказского духа и образа жизни. Чеченцы оказались эталоном «подлинности», все остальные кавказцы – лишь различными отклонениями и приближениями к данному эталону. Подобное положение дел имеет свои объяснения, но вряд ли может быть названо нормальным («Русские и кавказцы: очерк незеркальной неприязни»).

Да, сегодня имеет место попытка изменения смысловой перспективы, смены акцентов. Но Кавказ реальный и виртуальный, хрестоматийный и девиантный оставляют слишком много вопросов. Следует отметить, что Кавказ как уникальный социокультурный этно-феномен с особыми механизмами культурной коммуникации, его насыщенным метаисторическим и метакультурным пространством, базовыми этноментальными концептами, диалогом этосов и константными доминантными образами и символами (земля, гора, огонь, вода, камень, очаг, дерево, конь, верх, низ), пока остается лишь эскизом, проектом, но не осознанной в полной мере основой для российской политики на Юге России. Выделение его в особый округ – СКФО – вселяет надежды, но за политико-административным делением должно последовать снятие противоречий ментально-духовного порядка.

Анализируя эту проблему, следует учитывать целый ряд сложно взаимодействующих факторов. Во-первых, поколенческую диверсификацию идентичности. Люди старшего возраста в большинстве своем довольно гармонично сочетают в себе идентичность советскую, политико-идеологическую и национальную, этническую.

С людьми среднего возраста и молодежью все далеко не так просто. Далее: мощным импульсом обретения иной, дополнительной идентичности в последние десятилетия стал ислам, в котором, как во всех мировых религиях, содержится тенденция к объединению и тождеству вне узких и определенных национальных рамок. Не позволяют себя игнорировать интенсивные глобализационные и миграционные процессы как в России, так и во всем мире. Наконец — социо-культурная, наиболее сложная составляющая. Речь здесь идет не только о разительных переменах в структуре и стратификации социума последних десятилетий, но и о кардинальном изменении системы ценностей, качестве воспитания и образования, месте культуры — традиционной, классической, массовой, авангардной, суб-арт-вариантах — в современном обществе.

Отметим — применительно к Кабардино-Балкарии — следующие показательные в данном контексте, явления. Во-первых, локальность становится девизом времени: фамилии титульных народов республики возвращаются к своей исходной национальной форме, отказываясь от русской кальки; идет интенсивный процесс переименования улиц и площадей с учетом местных реалий; все чаще молодые люди брэнду от Версаччи предпочитают кавказский национальный костюм в торжественных случаях; возник стихийный интерес к генеалогии, порожденный парадом суверенитетов, в результате чего стремительно растет число научных трудов, анализирующих проблемы возникновения этноса, автохтонной культуры, ментальности, идентичности, и публикаций, посвященных истории того или иного рода, малой родины и т.п. Отметим особо: наряду с родными языками в творчестве этно-авторов (странное все же определение!) прочное место занял русский язык.

Как справедливо замечает Р.С. Лаво, «в различные периоды своей этнической истории народы Северного Кавказа переживали процессы консолидации (слияние родственных по языку и культуре народов и этносов), ассимиляции (растворение этнических групп одного народа в среде другого) и интеграции (взаимодействие в языковом и культурном отношении этносов, в результате которого формируются общие черты культуры). Поэтому «чистых» автохтонных народов, как и «чистых» мигрантов в этом полиэтническом регионе практически не существует»².

К слову сказать, этнические русские, проживающие на Северном Кавказе, не всегда смогут безоговорочно ответить на вопрос о своей национальной идентичности. Паспортная графа — русский — вряд ли вмещает в себя все богатство и парадоксы этого

этномаркера. По справедливому замечанию Ю.М. Лысенко (Махачкала), «русские, проживающие на Северном Кавказе, сформировали свой социально-этнический менталитет, отличный от менталитета других русских, это подчеркивают и они сами, и местное население»³. Так, например, творчество живущих в Нальчике Валентина Кузьмина, Игоря Терехова, Георгия Яропольского может стать неожиданной провокацией и вызовом для ревнителей идентификаторов-пуристов. К слову, Г. Яропольский, активно занимающийся еще и художественным переводом с балкарского, по словам носителей языка, работает на уровне точного донесения смысловых нюансов.

Иными словами, Кавказ, задолго до взрыва идентичностей XX века, стоял перед необходимостью оптимального решения этой проблемы, относя ее к сфере адекватной межкультурной коммуникации. Если же говорить о путях сближения инокультурных знаний, их восприятия, адаптации, ассимиляции или их тотального отрицания в целом, то основой и целью сближения и приятия являются выработка конгруэнтных, взаимоприемлемых смыслов и «предотвращение культурных сбоек в коммуникации» (М. Шаваева)⁴.

Юрий Лотман, указывая на тождественность функций культуры и любой границы или фильтра — а идентичность и есть «граница границы» — подчеркивает, что эта функция состоит в фильтрации и адаптации внешнего к внутреннему. На уровне культуры это предполагает отделение «своего собственного» от «чужого». Так, текст (в широком понимании) на чужом языке переводится на язык родной, собственный, понятный. Пожалуй, не следует забывать: чужой — вовсе не синоним чуждого, чужеродного, заведомо враждебного.

Как следует из вышесказанного, пока Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, Инна Кашежева и др. писатели и поэты Кабардино-Балкарии существовали в едином пространстве советской литературы (сразу следует оговориться — официально и цензурно-допустимые, идеологически выдержанные) проблемы идентичности не существовало. Как и проблемы выбора — на каком языке писать: на родном кабардинском, родном балкарском или на языке межнационального общения. Что же мы имеем сегодня — в эпоху заново и чрезвычайно остро возникшей и еще более остро осознаваемой проблемы идентичности? Что перед нами — стохастический или вполне предсказуемый и закономерный процесс?.. Почему особо пристальное внимание сегодня привлекает следующий феномен — писатели, пишущие на русском языке, те, для кого это не родной язык, а язык культурного выбора?

На русском языке пишут, в частности, кабардинцы Мухамед Емкужев, Амир Макоев, Мадина Хакуашева; балкарцы Эльдар Кулиев, Борис Чипчиков, Расул Ахматов; грек Константин Елевтеров, адыгеец Джамбулат Кошубаев, черкес Владимир Мамисhev. Чем вызвано подобное явление? Плохим знанием родного языка? Это, к сожалению, возможно и плачевно-естественно, когда речь идет о следствиях языковой политики в Советском Союзе. Желанием обрести читательскую аудиторию за пределами республики? Тотальным отсутствием переводческой практики? Безразличием к проблеме национальной идентичности? Космополитическим настроем? Влиянием глобализации?.. А может, пушкинское пророчество обернулось к нам теперь новой гранью, и всяк сущий в России язык, принявший гений Пушкина, пришел на помощь русскому языку — в его беде обезличивания и обескультуривания?.. Все эти и многие другие вопросы вполне правомерны, но, здесь имеет место сочетание и взаимодействие нескольких, трудно разрешимых — и не только для Кабардино-Балкарии — проблем.

Во многом права В.М. Дианова (Санкт-Петербург), утверждая: «В условиях меняющегося мира человек подчас вынужден преодолевать профессиональную и национально-государственную замкнутость за счет освоения культурного богатства человечества, что становится условием нового уровня его самопознания, самоопределения и самоутверждения и обеспечивает ему выход за сложившиеся ранее стереотипы мышления и идентификации». И далее: «Космополитизм снимает проблему традиционной национальной или региональной идентичности и в изменившихся условиях становится новым типом самоидентификации». Но можно ли вновь согласиться с этим исследователем, уверенным, что «художник в глобализованном обществе неизбежно — космополит, ибо для того, чтобы быть понятым всеми его членами, он должен использовать универсальный язык — язык, сложившийся в общем культурном ареале человечества; при этом он обретает небывалую ранее возможность преодолевать государственные границы и своей аудиторией считать весь мир»?..⁵

Неизбежен ли космополитизм в мире глобализации? Что это — панацея, паллиатив или нечто третье? Можно ли считать подобный маркер идентичности единственным и все объясняющим? Насколько космополитизм определяет существо художественных миров названных выше художников, работающих в пределах современной художественной парадигмы и литературности? Равен

ли он найденному универсальному языку, еще одному языку межнационального общения?

Читая, например, книги Бориса Чипчикова и Мадины Хакуашевой, мы понимаем, что это книги, созданные кавказцами — балкарцем и кабардинкой. И речь не о локальном мировосприятии и этнопатриотичности. Дело даже не в обращении к теме депортации и ее последствиях (Чипчиков. Мы жили рядышком с Граалем. М., 2008) и русско-кавказской войне и геноциде адыгов (Хакуашева: псевдоним Дина Арма. Дорога домой. Нальчик, 2009), т.е. к тому табуированному до недавнего времени, неотрефлексированному прошлому, которое не отпускает потомков. Смеею предположить, что перед нами — один из примеров проявления столь страстно дискутируемой сейчас проблемы — существа Кавказской культуры, когда речь заходит о присущих ей основополагающих модусах и максимах.

Каким образом это происходит, когда иная ментальность, иной **этос**, иная культура узнаваемо проступают в другом — в данном случае русском — языке? Думается, можно говорить о культурной конвергенции, в ходе которой русский язык становится таким средством, инструментом, медиатором творчества в степени **н**, за которой стоит его посредническая миссия тезауруса мировой культуры. В силу онтологического закона существа Культуры он не препятствует, но способствует проступанию конфигураций и ментальности других культурных миров. Михаил Бахтин считал, что в области культуры вненаходимость — самый могучий рычаг понимания. Быть может, здесь — ключ к вопросу идентичности, которая в нашем случае обнаруживает не единственно возможный, но вероятностный характер при сохранении корневой этно-матрицы.

Нельзя не согласиться с авторами книги «Традиционная ментальность народов Северного Кавказа в современных условиях», которые отмечают, что «несмотря на трудности определения «духа» народов Северного Кавказа, сам факт его существования едва ли можно отрицать»⁶. Не хотим быть неверно понятыми: мы говорим не о том, что это исключительно кавказская прерогатива, а о том, что это неуничтожимая этно-матрица, без воспроизведения которой наступает конец всякой идентичности и такой этно-идентичности, как, например, все еще сохраняющие свою силу идентичность адыгов (кабардинцы, черкесы, адыгейцы) и карачаево-балкарцев. Один из ее источников — Нартский эпос.

В Послесловии к роману «Абраг» (1996), Джамбулат Кошубаев, в частности, пишет: «Страны Нартов нет ни на древних, ни на

современных картах мира, но она устояла под натиском времени и завоевателей, пережив мощные и, казалось бы, неизбежные империи и государства. Она простирает свои границы в памяти кавказских народов. Мы все родом оттуда»⁷.

А насколько корректно говорить в данном контексте об идентичности другого рода — российской или некоей универсальной арт-идентичности по мировой культуре? И в первом, и во втором случае, это вполне возможно и допустимо. Только с соответствующими обязательными оговорками-дополнениями. Например, роман «Ночь Кадар» российского кабардинского писателя Мухамеда Емжуа. Или — повесть «Был счастья день», работающего в жанре интеллектуального романа-притчи адыгейского писателя Джамбулата Кошубаева (Нальчик, КБР, Россия).

Вышедший в 2007-м году сборник рассказов северокавказских писателей имеет странное и едва ли не нарочитое для постороннего слуха название — «Война длиною в жизнь» (М., Фолио). В нем представлено 45 имен — кабардинцы, балкарцы, кумыки, аварцы, осетины... в соответствии с маркированностью по правилам этно-идентичности. Тот, кто даст себе труд прочесть книгу, с удивлением обнаружит, что речь идет о войне особого рода, которую достойно вести в любой стране мира и в любое время. В предисловии к сборнику один из его составителей Гарий Немченко (русский писатель, переводчик произведений адыгейца Ю. Чуюко!) замечает: «Наборный пояс России» — так часто называли разноплеменный горский Кавказ в пору расцвета дважды исчезнувшей с тех пор Великой империи. Но мало кто знал и тогда, а нынче наверняка тем более, символику ременного, с наконечниками из черного серебра, кавказского пояса. Надеть его — значило быть готовым к служению земле предков и живущему на ней своему роду. Снять с себя — предаться домашним делам, лени и отдыху... Кавказ всегда был особым миром, впитавшим в себя наследие одной из самых древних цивилизаций, — данная нам и Господом Богом, и матерью-природой реальность, не считаться с которой нельзя — преступно... Осознает ли наконец новая, нынешняя Россия смысл старой горской символики?»

Древность, по словам Сергея Аверинцева, поставила задачу: искать истину, которая делает человека свободным. Она обрела идеал верности истине, которая сильнее, чем страх перед насилием. Иначе говоря, человек был выведен из «утробного» до-личностного состояния. «И он не может возвращаться в это состояние, не переставая быть человеком»⁸.

Понятие идентичности суть понятие определенно-неопределенное, заведомо исключающее единственное число – как приблизительное, недостаточно информативное и довольно далекое от абсолютности. Заявленная проблема – импульс к поискам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Х.Л. Борхес. Письмена Бога. – М., 1992. – С. 28.

² Лаво Р.С. Межкультурные коммуникации дисперсных этносов Северного Кавказа в контексте глобализации // Социокультурные проблемы Кавказского региона в контексте глобализации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (14 – 16 мая 2007), СКГИИ. – Нальчик, 2007. – С. 55.

³ Лысенко Ю.М. Современные социокультурные проблемы русского населения Северного Кавказа // Социокультурные проблемы Кавказского региона в контексте глобализации. – С. 131.

⁴ Шаваева М. Адаптационный механизм межкультурных коммуникаций // Культура, искусство, образование на рубеже веков. – Нальчик, 2008.

⁵ Дианова В.М. Космополитизм в эпоху глобализации. Причины актуализации космополитизма // Социокультурные проблемы Кавказского региона в контексте глобализации. – С. 29, 30.

⁶ Ашиокова Л.М., Аишамахова А.А., Дадашев А.А. Традиционная ментальность народов Северного Кавказа в современных условиях. – Нальчик, 2009. – С. 40.

⁷ Джамбулат Кошубаев. Абраг. – Нальчик, 2004. – С. 92.

⁸ Аверинцев С. Глубокие корни общности // Лики культуры. Альманах. Т. 1. – М., 1995. – С. 444.

Аннотация

Тема статьи – сложный, неоднозначный характер проблемы идентичности в так называемой «локальной», «региональной» литературе. Авторы приходят к выводу, что нет и не может быть единой, универсальной идентичности, когда речь заходит о Кавказе.

Ключевые слова: идентичность, культура, этно-культура, Кавказский мир, метаистория, глобализация, литература, арт-идентичность.

Summary

The article theme is a complicated, and non-obvious character of the identification problem in so called “local”, “regional” literature. The authors come to conclusion that there is no and can not be a united, universal identity in case of the Caucasus.

Keywords: identity, culture, ethno-culture, Caucasian world, meta-history, globalization, literature, art-identity.